

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

№ 84 (162)

Четверг, 15 июля 1954 года

Цена 40 коп.

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ

Все мы, молодые артисты. Художественного театра, нежно любили Чехова еще

О. КНИППЕР-ЧЕХОВА

задолго до того, как познакомилась с ним. Еще в Филармоническом училище, мечтая о постановке «Чайки» и не понимая, как, с какого конца приняться за эту удивительную, непривычную пьесу, мы были влюблены в чудесный талант Чехова. Но когда в сентябре 1898 года Антон Павлович появился у нас, в Охотничьем клубе на Воздвиженке, где шли репетиции, я испытала чувство какого-то восторженного удивления.

Трудно точно определить, чем было вызвано это чувство. Была ли это необычайная в большом и знаменитом писателе простота, скромность, неумение «учить». Были ли то его неожиданные, на первый взгляд, непонятные ответы актерам, вроде знаменитых «брюк в клетку», которые он посоветовал Станиславскому для роли Тригорина, ответы, заставлявшие нас недоумевать — в шутку или всерьез они сказаны. Было ли то, наконец, ощущение какой-то необычайной внутренней силы в этом деликатном и мягком человеке.

Вот это ощущение внутренней духовной силы всегда поражало в Чехове. При нем все самые запутанные вопросы начинали казаться простыми и ясными, при нем ничто не казалось страшным, а он уже был физически слабый человек.

Болезнь не накладывала на его характер отпечатка недовольства, сомнений, себялюбия. С Антоном Павловичем было всегда легко, приятно, и вместе с тем он был надежной моральной опорой для многих и всем своим поведением давал верный, хороший тон. Атмосфера, окружавшая его, всегда была чиста, свободна от мелких страстей. Когда со свойственной мне вспыльчивостью я возмущалась поведением какого-нибудь издателя или критика, он обращал все в шутку или давал событию снисходительную и в то же время мудрую оценку.

Сила его духа была удивительна. Он мог иногда шутливо жаловаться на невычищенный сортук, или какое-нибудь другое житейское неудобство, но я не знаю человека более снугого на жалобы и менее заменутого в большом личном горе. Помню, когда умер один из ближайших друзей Антона Павловича, нежно любимый им художник Левитан, смерть эта глубоко поразила всех нас. Один Чехов был почти такой же, как всегда. Мне стало даже обидно за Левитана. И только внимательно присматриваясь к Антону Павловичу, я поняла, что это не холодность, а его особая манера все переживать про себя, не показывая даже близким людям глубины своего горя.

Это не была просто природная выдержка Чехова — он долгие годы развивал ее в себе, он сам воспитал в себе того человека, каким я узнала его. А выдержки и силы духа нужно было много, чтобы быть в те годы честным русским литератором, чтобы иметь мужество так правдиво и требовательно писать о жизни, как писал Антон Павлович.

Сейчас странно об этом вспоминать, но ведь Чехова долгое время числили «пессимистом», говорили и писали о нем, как об одном из самых безнадежных русских писателей.

Всякий, кто знал Чехова в жизни, едва ли согласился бы с этим определением. Антон Павлович был смешлив, очень любил веселые рассказы и так живо реаги-

ровал на них, так заразительно смеялся, что и мне и всем другим эти рассказы

начинали нравиться. Он любил фокусников, клоунов, охотно посещал народные гулянья, ярмарки. До конца своей нелегкой жизни Антон Павлович сохранил лукавый юмор и веселый, добрый смех.

Но дело даже не в том, что Чехов в своей личной жизни был веселым и жизнерадостным человеком. Он был оптимистом в гораздо более широком смысле слова. Мало кто умел любить жизнь, людей такой внимательной и ласковой любовью. Это был человек, который жадно интересовался всем, что происходит вокруг. Прикованный болезнью к Ялте, он просматривал все газеты, откуда бы они ни приходили. Он по-детски радовался известию о каждом новом доме, строящемся в далекой Москве, об успехах Художественного театра, об открытии больницы или школы где-нибудь в медвежьем углу, о книгах, приобретенных провинциальной библиотекой, о новой научной статье Тимирязева или о пейзаже Левитана. И точно так же его радовали первые ростки дерева, посаженного в скромном ялтинском садике, где все было сделано его руками, весенний запах земли, цветы, всякое проявление жизни, сулившее расцвет в будущем. Больше всего любви отдавал Чехов человеку — тому простому и внешне незаметному человеку, которого он сделал героем большинства своих рассказов и пьес, с его страданиями и радостями, с его неудовлетворенностью и мечтой о будущей, об иной жизни.

В жизни Антон Павлович с необыкновенной любовью и вниманием относился к каждому так называемому «незаметному» человеку, умел открывать в нем душевную красоту. Люди чувствовали это и тянулись к нему. Он не любил произносить пышных фраз, но всегда говорил, что человеку мало простора в жизни, а если дать ему простор, то он себя покажет.

Помню, когда уже перед смертью, мы были с Антоном Павловичем в Германии, к нам пришел мой брат; разговор зашел о русско-японской войне. Брат говорил что-то о нашей победе, а Антон Павлович посмотрел на него так серьезно и сказал: «Но ведь если мы победим, то это опять будет возврат к самодержавию — это ужасно».

Да, Чехов жил великой жаждой обновления своей страны и тогда, когда тосковал о судьбе России в далекие годы безвременья, и когда так уверенно говорил о ее светлом будущем.

При всей своей душевной мягкости и изумительной тонкости понимания людей, Антон Павлович всегда был непримирим к тому, что уродует жизнь: к проявлениям несправедливости, пошлости, обывательщины. Буржуазная сытость, мещанский покой, душевная инертность, умственная лень — все это находило суровый приговор на страницах чеховских рассказов. Этим уродливым явлением он противопоставлял жизнь настоящих русских людей, для которых «праздная жизнь не может быть чистою», людей честных и мужественных, умеющих и любить и мечтать, порою тоскующих и одиноких, но не мирящихся с обывательским застоем. О пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» К. С. Станиславский писал: «...голос Чехова звучит в ней бодро, зажигательно, ибо сам он смотрит не назад, а вперед».

Таким навсегда остался в моей памяти Чехов-человек и Чехов-писатель.